

ЛЕЧЕНИЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ

ФБР русских поэтов не обижает

Вадим МЕСЯЦ — поэт, прозаик, переводчик — живет в США, на Лонг-Айленде, в двух шагах от Атлантики. Иосиф Бродский отозвался о поэзии Месяца: "Стихи понравились мне чрезвычайно — как мало что в жизни нравилось. Особенно привлекала в них косвенность, обиняковость речи..." Недавно в России издан последний роман Вадима Месяца "Лечение электричеством".

— Вадим, как вы познакомились с Иосифом Бродским?

— Я послал ему свои тексты, они ему понравились. Так и познакомились. Бродский научил меня относиться к американской поэзии как к поэзии. Объяснил, кто есть кто. Думаю, он понимал, что к его советам я вряд ли прислушаюсь... А я только сейчас и начинаю прислушиваться...

— Вы гражданин США?

— Пока нет. Да и не особенно стремлюсь... Если у меня и есть идея жизни, то — свобода перемещения. В детстве я не знал, что атмосфера вращается вместе с планетой Земля, — вот мне и хотелось подняться на воздушном шаре, подождать, когда эта планета повернется до уровня Сан-Франциско, например, — и приземлиться. Потом оказалось, что мир устроен по другим законам. Я пытаюсь их соблюдать. Получаю всякие печати, удостоверения — ради какой-то романтической затеи. Синюю корку полезно иметь, если тебя забирают менты где-нибудь на Павелецком вокзале вместе с поэтом **Иваном Ждановым** за исполнение песни "По полю танки грохотали" или в аэропорту города Томска за то, что по-другому

одет и общаюсь без подобострастия... Но с русской милицией можно договориться хотя бы потому, что она говорит на родном языке. Впрочем, в Америке меня никто никогда не трогал. Правда, был один интересный случай. В самом начале работы в Стивенс-колледже у меня дома раздался телефонный звонок, и женский голос в трубке попросил: "Нам нужно встретиться, назначьте время..." Я решил, что это местная журналистка, и все откладывал встречу. В конце концов женщина меня поймала. Мы сходили с ней в кафе, я выложил свою историю, сводил в офис, показал книжки, переводы. Прощались чуть ли не с поцелуями. Напоследок она сказала: "Если что — обращайтесь, всегда помогу". И ушла, оставив визитную карточку. Вечером эта карточка попала мне на глаза, и я с удивлением прочитал, что эта милая женщина, оказывается... агент ФБР.

— Вадим, а литературное образование вы получили?

— Нет. Бывают моменты, когда чувствую себя дилетантом — если приходится говорить о постструктурализме, постглобализме, прочих "измах"... У меня не было возможности учиться в Литературном институте (я родился в Томске, закончил Томский государственный университет, кандидат физико-математических наук), мне нравилась наука — как мужская профессия. У меня и друзья в основном из естественников. В Америке именно физики помогали мне с публикациями, грантами... Для меня очень важно понятие "свежесть варварства"... "Встают неведомы и восхищают небеса" — эту реплику Блаженного Августина я поставил когда-то эпиграфом к "Ветру с конфетной фабрики". Это совсем не значит, что я поддерживаю безграмотный порыв (по-моему, весь соцреализм на этом и строился), но стремлюсь вырваться из дряхлеющей культуры, бесконечно себя воспроизводящей.

— При взгляде из Америки на нашу литературную действительность что вам в ней нравится, а что нет?

— Мне здесь цветастости не хватает, разнообразия форм... Может, я просто привык жить в полиэтнической стране, где каждый сам себе на уме... Здесь до сих пор, по-моему, сохраняется какая-то двухполярная система. Контрапункты "консерватор — прогрессист", "почвенник — либерал", "бездуховность — высокое искусство"... А этих контрапунктов гораздо больше, и они перемешаны между собой...

— А литературное сообщество, как в России, в Америке есть?

— В Америке все есть. Писательские курсы, лекции, семинары... Когда жил в Нью-Йорке, выписывал одно время поэтический календарь — плакат на полстены с расписанием чтений по всему городу...

Жизнь кипит! Сплошной расцвет культуры! Тоска, в общем, смертная. Я и сам занимался этой ерундой... Сейчас общаюсь в основном с супругой и разными животными. Там ко мне опоссумы приходят по ночам, еноты, олени... С птицами у меня очень хорошие отношения. Я для них сделал в саду "маленький Иерусалим" — три кормушки-теремка: на одной — православный крест, на другой — звезда Давида, на третьей — полумесяц. Изучаю теперь птички конфессиональные пристрастия. Супруга (ее зовут Ласточка) привезла бабушкин тульский самовар начала прошлого века, на открытие печки-буржуйки съехалась почти вся местная творческая интеллигенция. Особая гордость — сад. С некоторых пор мы стали посвящать каждое дерево заезжим российским поэтам, хотя многих названий деревьев я не знаю. Есть груша **Драгомощенко**, вишня **Гандельсмана**, клен **Парщикова**, кипарис **Фанайловой**, роза **Воденникова**, гортензия **Максимовой**...

— В романе "Лечение электричеством" вы благодарите жену и родственников за истории и сюжеты, которые они вам рассказали.

— Да, можно даже выпустить книжку комментариев. Показать, откуда прилетела та или иная фраза. Хотя герои книжки — отморозки в некотором смысле, иногда они говорят реальными репликами таких персонажей, как Эрнст Неизвестный, или Татьяна Толстая, или тот же Бродский. Мне вообще нравится подслушивать, подсматривать — увлекательная работа.

— Когда вы только приехали в США, у вас были периоды страха перед страной, перед будущим?

— Конечно. Все непривычно, тем более я сначала жил в Южной Каролине, в общем-то в дыре. Это сейчас я ее считаю своей второй родиной, а тогда, как чеховская барышня, все нашептывал: "В Нью-Йорк, в Нью-Йорк". Ну и в Нью-Йорке потом свихивался понемногу от одиночества... Хорошее время было, я снимал полуподвальную хибару — думаю, Родион Раскольников в такой же комнатке задумал угробить старушку... Работал в колледже, а любимое развлечение у меня было собирать мебель. Там по субботам-воскресеньям много чего выкидывают. Вот я и менял свой интерьер каждую неделю. Принесу кресло-качалку — покачаюсь вечер-другой, потом выставлю его на улицу. Вообще тогда со мной происходили забавные вещи. То ли люди чувствуют твоё отчаяние, оторванность, то ли еще что... Меня часто угощали в пивных — бесплатно... Я потом даже удивляться перестал. Таксисты пару раз не брали за проезд денег...

— Вы можете вспомнить из вашей жизни в Америке поступок, за который было бы стыдно?

— Общественный порядок я иногда нарушаю, но все в пределах христианской морали... Вы знаете, за что мне стыдно? Мне перед Бродским стыдно... Я тогда в 95-м был на его чтениях в Нью-Йорке. Подошел, поздоровался. Он спрашивает: "Ну и как вам все это понравилось?" А я, болван, возьми и ответь: "Так я ж это все в ваших книжках читал". Ужасно стыдно.

Владимир КОТЫХОВ.

Месяц Вадим

20.07.02